

Пролог

Цзюнь Тяньяо, глава Долины Яньюэ, обладал столь выдающимся мастерством, что в мире боевых искусств у него почти не было равных.

Однажды он встретил юношу, который казался слабым и незащищенным. Ирония судьбы заключалась в том, что этот юноша был связан с его заклятым врагом! Опыренный вином, Цзюнь Тяньяо совершил поступок, продиктованный силой и похотью.

Однако он и представить не мог, что этим лишь впустил волка в собственный дом...

Не колеблясь ни секунды, холодное острие меча вонзилось в сердце, и наружу хлынула горячая, ярко-алая кровь.

Мо Янь с недоверием смотрел на того, кого берег в глубине своей души.

— Ты правда... хотел моей смерти?

— Теперь-то ты наконец позволишь мне уйти? — ледяной, пробирающий до костей голос эхом отразился от стен теплой, как весна, тайной комнаты.

Мо Янь полз по полу, цепляясь за полы его одежд:

— Не уходи. Я не позволю тебе уйти, не уходи...

Тот смотрел на него сверху вниз. В его персиковых глазах, обычно чистых и прозрачных, как вода, застыл мороз. Не дрогнув, он взмахнул мечом — ткань с треском разошлась.

— Не оставляй меня... — Мо Янь рухнул в лужу крови, судорожно сжимая в руке окровавленный лоскут ткани.

Тот прошагал по его крови, не оглядываясь. Мо Янь тщетно пытался удержать взгляд, наблюдая, как кровавые следы один за другим приближаются к железной двери.

Пока опустившаяся створка не скрыла всё из виду. У него больше не было сил держаться...

Отныне и впредь — никакой тоски. С тоской по тебе покончено навсегда.

Конец осени, начало зимы. Холодный ветер завывал всю ночь, и к утру от высокого дерева гинкго во внутреннем дворе остались лишь жалкие желтые листья, дрожащие на ветвях. Казалось, они цепляются за остатки тепла и никак не решаются упасть.

Под деревом стоял человек в красном одеянии. Похоже, он простоял там уже несколько часов: на его плечах и волосах скопились золотистые листья, выглядело это невероятно красиво.

Шуанкэ выдохнула, согревая дыханием замерзшие руки, и наконец направилась к нему.

— Второй молодой господин, на улице холодно, идите в дом отдохнуть. Если простудитесь, глава усадьбы снова будет ворчать без конца. Я проходила мимо кухни, завтрак почти готов, я

сейчас принесу!

Второй молодой господин, о котором она говорила, был Мо Янь, младший сын в семье Мо, а глава усадьбы — его старший брат, хозяин Усадьбы Тысячи Журавлей, Мо Инь.

Мо Янь словно не слышал её. Спустя долгое время он вдруг проговорил:

— В этом году зима какая-то странная, снега еще не было. В прошлые годы к этому времени выпадало уже раза два или три.

— В прошлом году в это время тоже еще не... — голос Шуанкэ внезапно оборвался, она осторожно подняла взгляд, пытаясь уловить выражение лица хозяина.

Мо Янь не придавал этому значения, повернулся и улыбнулся ей:

— Ничего страшного. Сходи на кухню, попроси повара приготовить желтый гороховый десерт, пусть подадут его вместе с завтраком в мой кабинет.

Сказав это, он направился к кабинету.

— Слушаюсь, — отозвалась Шуанкэ, но про себя удивилась: второй молодой господин раньше никогда не любил сладкое, с чего это он вдруг изменил свои привычки?

— В следующий раз, если проявишь неуважение к главе усадьбы, а это услышит кто не надо, я тебя не выгужу.

Голос донесся от двери кабинета. Казалось, холодная погода повлияла на его тон — он звучал отстраненно и сурово.

Шуанкэ показала язык и, плотнее закутавшись в одежду, поспешила на кухню.

— Господин Мо, второй молодой господин просил принести завтрак, — заглянув внутрь, позвала она. — И еще велел взять желтый гороховый десерт.

— Молодой господин Янь не любит сладкое. Это ты, проказница, проголодалась и хочешь выпросить у меня лакомство? — в словах повара слышался упрек, но лицо его расплылось в улыбке.

— Вовсе нет! Я тоже не люблю сладкое, вы просто дразните меня, — надулась Шуанкэ.

— Ладно-ладно, виноват. Дам тебе зимних фиников в качестве извинения, пойдет?

— Отлично! От вкусенького я никогда не откажусь.

На кухне раздался смех.

Шуанкэ была сиротой. Мо Хун Тао с супругой спасли её от работоторговцев, когда она была еще ребенком. Узнав, что её родители мертвы, а идти некуда, они забрали девочку в поместье, дали ей фамилию Мо и оставили служанкой.

Супруги Мо часто спасали людей из рук работоторговцев. Если у спасенных оставались родные или дом, им позволяли уйти, если же нет — их принимали в поместье. Семья Мо была богата, а хозяева отличались добротой, поэтому условия жизни слуг здесь были намного лучше, чем в других местах. Со временем почти треть прислуги в поместье оказалась здесь именно так.

Тук-тук-тук. Шуанкэ постучала в дверь, но, не дождавшись ответа, вошла сама.

Едва переступив порог, она увидела, что Мо Янь склонился над столом и что-то рисует, настолько увлеченно, что даже не заметил её прихода.

— Второй молодой господин, я думала, вас нет, боялась, что еда остынет, поэтому... — прошептала она, опасаясь гнева хозяина.

— Ничего, ставь на стол.

Холодный голос не выражал ни радости, ни раздражения.

Шуанкэ поставила поднос и невольно взглянула на рисунок: на ветке цветущей сливы порхали семь или восемь бабочек разного размера.

— Ой? — не удержалась она, но тут же прикрыла рот ладонью, украдкой взглянув на Мо Яня, и замолчала.

Мо Янь, не глядя на неё, продолжал выводить линии:

— В этой картине что-то не так?

— Простите, молодой господин, куда уж мне разбираться в живописи! Просто я подумала, что слива цветет зимой, а разве зимой бывают бабочки?

— Ты просто их не видела. Зимой в Цзяннани... тоже бывают бабочки.

Мо Янь отложил кисть и завороченно уставился на свою работу, погрузившись в глубокие думы.

Шуанкэ, не заметив перемены в его настроении, с любопытством спросила:

— Значит, вы их видели, господин?

Мо Янь очнулся и помолчал некоторое время:

— В поисках сливы бабочек след простыл, лишь новая ласточка лепит гнездо у крыльца. Догорает светильник, в холодной дымке лишь одинокая тень — то был весенний сон, что снова развеялся.

В его голосе сквозила глубокая, невыразимая печаль.

Шуанкэ не поняла смысла, но его тон напомнил ей строчку, которую она когда-то слышала: «Сняла заколку у огня, спасая мотылька от пламени».

— Мотылька? — Мо Янь, казалось, не понял её слов и вопросительно посмотрел на служанку.

— Да! Сестрица Чу Мань как-то читала эти стихи, мне показалось, что они очень подходят к моменту, вот я и вспомнила.

— Почему ты вдруг стала такой осторожной? — вместо ответа на её слова спросил Мо Янь.

Шуанкэ замялась, не зная, похвала это или упрек:

— Господин, вы в последнее время кажетесь расстроенным, я боялась вас потревожить, вот и...

Мо Янь вздохнул:

— Ладно, иди. И еще: без моего разрешения в кабинет больше не входить.

Увидев расстроенное личико Шуанкэ, он смягчил тон:

— Передай это и остальным.

— Хорошо, тогда я пойду.

Дверь закрылась, отрезав шум неуютного двора. Мо Янь смотрел на закрытую дверь и молча вздыхал.

Мотыльки? А разве не каждый в этом мире подобен мотыльку, летящему на огонь? И кто может заранее знать, что этот манящий свет станет причиной его гибели?

<http://bllate.org/book/20959/2126296>